

**ПУШКИН
В МОЕЙ СУДЬБЕ**

*На анкету «СК»
отвечает поэт
Ольга Фокина*

Свою первую встречу с Пушкиным мне так же трудно определить, как и ответить на вопрос известной песни «С чего начинается Родина?». Хотя автор песенного текста обнаруживает известную смелость, ставя вешки-пунктиры, вроде «картинки в твоём букваре», «хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе», все-таки сомнение, выраженное многозначным «а может», главенствует, — вопрос остаётся открытым...

Понятие «Пушкин» настолько растворено в жизни, что иногда уже и невозможно собственно пушкинское отделить от народного.

Припоминаю такой эпизод: в холод и сумрак деревенской избы (Север, жестокая зима, Великая Отечественная война еще в самом разгаре, и мы, пятеро детей в возрасте от одного до четырнадцати лет, вместе с выкупленным по карточкам «кирпичиком» хлеба приносим из сельмага картинку в дешевой рамке: старик склонился над неводом, в котором трепыхается «золотая рыбка».

Рука, протянутая к нам

Мне лет шесть, но я точно знаю, что это тот старик, который жил со своею старухой у самого синего моря, что жили они в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года... И неотступно глядя на картинку при свете затепленной лучины (до завтрашнего дня, конечно, не дотерпеть!), мы с братом вслух и про себя воскрешаем эпизоды пушкинской сказки, утешаясь новыми ее вариантами, изобретаемыми тут же применительно к себе: наша изба хоть и не землянка, как у стариков, но углы ее насквозь промерзли до белых «зайцев», а летом при каждом ливне крыша ее будет протекать так, что нам придется подставлять под потоки много посуды, и как хорошо было бы, если бы золотая рыбка и нам подарила новую «избу со светелкой, с кирпичною, беленою трубою», а уж новое корыто мы бы не просили: мама заказала выдол-

бить его из толстой осины Ивану, что живет в соседней деревне... Откуда знаю эту сказку я, к этому времени только прочитавшая по складам единственное: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет»? По всей вероятности, кто-то из старших братьев, готовя школьные уроки, прочел ее вслух, и сюжет запечатлелся, как запечатлелось и простое, родное: Пушкин.

Потом — первый класс в приспособленной под школу деревенской избе с русской печью, на лежанке которой нам разрешают погреться в перемены. Учительница предлагает каждому из учеников принести завтра в школу елочные игрушки — у кого что найдется, — чтобы сообща нарядить новогоднюю елку, а пока мы разучиваем к Новому году песню:

**Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:**

**То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...**

Я знаю, как «воет зверь» — то есть волк: им тоже голодно, волкам, и они воют совсем на задворках нашей деревни, недавно поймали и съели бабушкину Жучку, а вчера мама видела волка, проезжая с возом дров мимо колхозного гумна: он вышел из-за стога соломы и горящими глазами проводил тянущего воз исхудалого Рыжка, однако двинуться следом за ним не посмел: деревня была рядом. Мама, принявшая волка за собаку, испугалась уже дома, вспомнив, как «собака» держала хвост: между ног, «поленом»...

Наша учительница не имеет музыкального образования, песне никто ни на чем не подыгрывает, но как прочувствованно и выстраданно звучат пушкинские строки:

**То по кровле обветшало
Вдруг соломой зашумит,**

**То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.**

И к нам вчера стучалась запоздалая нищая женщина: попросилась переночевать, но и сегодня еще у нас — отогревается, лечит больные ноги, вяжет из суровой нитки чулок и рассказывает разные «побасенки».

**...Спой мне песню, как
синица**

**Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица,
За водой поутру шла.**

Слово «цветомузыка» для нас сегодня — обыденное, бытовое, а «цветопоззия» вроде бы еще и не существует. Тем не менее художник, оформляя поэтический сборник, оглядывается на его содержание, выбирая, скажем, цвет для обложки. Для меня Пушкин — в классическом белом.

Белый цвет можно разложить на радужную гамму: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Каждый из составных белого цвета оригинален и прекрасен, но белый цвет для нас — самый приемлемый, ибо он всеобъемлющ.

Пушкин — живой: и в его времена, и в наши, и в далекие будущие. Диапазон его интересов и сердечных откликов — от самого простого, земного, обыденного, «ничтожного» — до высот «божественных». Герой его стихотворений любит, негодует, иронизирует, страдает по-настоящему, как человек, а не как «герой». Стихи Пушкина обращены к его современникам (сколько посвящений, какой широкий круг общения!), его стих не гнушается «низменности момента», предметом его поэзии становится все! — такова мощь его таланта, сила чувства, широта и глубина духовной обра-

зованности и поэтической интуиции.

В наше время, когда карьеризм, протекционизм, вещизм и прочие недостойные «измы» проникли и в сферу прекрасного, естественная, свободная, несмотря на все набрасываемые на него путы; высочайшая, несмотря на единение с «демосом»; бессмертная, несмотря на раннюю гибель; личность Пушкина сверкает тем ярче и притягательнее... Быть поэтом — эта «пушкинская традиция» сегодня — из актуальнейших.

Мое любимое произведение Пушкина — «Евгений Онегин». Прекрасный женский образ, великолепно выписанные мужские характеры, истинная любовь создателя к созданиям своим... Историческая эпоха, общественный климат, нравы русской жизни — все осязательно и явственно, а кроме того — взгляд за барьер, в будущее, — то есть рука, протянутая к нам: от декабристов к Октябрьской революции. Великое произведение!

Рисунок Н. Кузьмина.